

Ханьсин, выслушав распоряжение Шэнь Яоюй, почтительно отступила в сторону и, сделав приглашающий жест рукой, произнесла:

— Третья барышня, прошу вас, возвращайтесь.

Шэнь Яогуан, словно не услышав её, продолжала неотрывно смотреть вслед уходящей Шэнь Яоюй. Лишь когда Цуйцуй потянула её за рукав со словами: «Барышня, нам пора возвращаться», — она наконец пришла в себя.

Кивнув, Шэнь Яогуан развернулась и направилась к выходу, а Ханьсин проводила её до самых ворот. Обернувшись, Шэнь Яогуан с любопытством спросила:

— А почему я не вижу сестрицу Моин?

Ханьсин невозмутимо ответила:

— У Моин возникли дела, ей пришлось вернуться в родные края. — Закончив, она поклонилась Шэнь Яогуан и добавила: — Прошу, Третья барышня, больше не тревожьте мою госпожу.

Сказав это, она ещё раз поклонилась и тихо прикрыла ворота.

Тем временем в спальне Шэнь Яоюй, сжавшись в комок, дрожала от холода. Его бледная кожа теперь пылала неестественным румянцем, а на лбу выступили мелкие капли пота.

В ушах непрерывно отдавались то пронзительные крики, то полные муки стоны, а поверх них — резкий женский голос, который преследовал его повсюду: «Живи... ты должен жить...»

Он съёжился, плотно прижав ладони к ушам, отчаянно пытаясь заглушить эти звуки, но в сознание врывались всё новые и новые голоса:

— Господин, даже став калекой, вы обязаны жить...

— Господин, нельзя забывать о мести за ваших отца и мать...

— Господин, те страдания, что вы терпите сейчас, должны вернуться к ним в десятикратном размере...

— Господин, помните об этой ненависти и унижении — они помогут вам вернуть достоинство и перестать быть слабым...

Голова раскалывалась, казалось, само тело разрывается на части.

— А-а... — невольно вырвался у него болезненный стон.

Шэнь Яоюй с трудом вытянул из волос нефритовую шпильку и приставил её к собственному горлу, бормоча себе под нос:

— Зачем жить... зачем... месть... только месть...

Он слегка разжал пальцы, и шпилька соскользнула на край кровати. Он затих, лёжа неподвижно, и, устремив влажный взгляд в бледно-зелёный балдахин, тихо напевал какую-то безымянную мелодию. Внезапно его скрутило от приступа тошноты, и он, свесившись с кровати, начал задыхаться от рвотных позывов. От напряжения на бледной, покрасневшей шее вздулись вены.

Проводив Шэнь Яогуан с её служанкой, Ханьсин подошла к дверям главной комнаты. Поколебавшись, она всё же решилась войти и, увидев эту картину, поспешно налила воды и поднесла к губам Шэнь Яоюй:

— Господин, выпейте, вам станет легче.

Шэнь Яоюй резким движением выбил чашку из её рук и прохрипел:

— Вон...

Ханьсин позвала:

— Господин...

— Убирайся... не заставляй... меня повторять... дважды... — выдавил он, снова заходясь в приступе тошноты.

Ханьсин знала, что её господин слов на ветер не бросает, и, не смея ослушаться, попятилась из комнаты. Как только она закрыла дверь, перед ней возникла Шуанхуа. Взглянув на неё с жалостью, та вздохнула:

— Зачем ты это делаешь? Результат был предрешён.

— Она наша госпожа... — коротко ответила Ханьсин и направилась к креслу-качалке под навесом. Заметив оставленный Шэнь Яогуан плащ, она задумалась, стоит ли его возвращать.

Шуанхуа подошла следом, бросила взгляд на розовый меховой плащ и спросила:

— Это той Третьей барышни? Хочешь, я отнесу его ей? — Ей было любопытно взглянуть на ту самую барышню, ради которой господин сделал исключение.

Ханьсин лишь мельком взглянула на неё, ничего не ответила и, забрав плащ, направилась в восточный кабинет.

Шэнь Яогуан и Цуйцуй обнаружили пропажу плаща только по пути в усадьбу Чжилань. Шэнь Яогуан усмехнулась:

— Вот уж верно говорят: красота лишает разума!

Цуйцуй согласно кивнула. Аура старшей барышни была настолько подавляющей, что она в гостях даже дышать боялась. Вспомнив, что этот плащ был одним из двух самых качественных в гардеробе её госпожи, она спросила:

— Может, вернёмся за ним?

Шэнь Яогуан покачала головой:

— Оставь. Кажется, старшая сестра не любит, когда её тревожат. Да и... — она хитро улыбнулась, — теперь у меня есть повод прийти снова.

Цуйцуй посмотрела на снег, который уже почти доходил до щиколоток, и сказала:

— Тогда поторапливаемся, кажется, эта метель надолго.

— Эх, а я ведь хотела днём выйти, — вздохнула Шэнь Яогуан, глядя на падающие хлопья. Посоветоваться было не с кем, оставалось лишь попытать счастья у наставника — вдруг он придумает, как пробраться в тюрьму Чжаоюй и навестить господина Се.

— В такую холодрыгу барышня всё равно хочет выйти? — удивилась Цуйцуй.

— Да, надо навестить старика, — ответила Шэнь Яогуан.

Знакомство с наставником было делом случая. Три года назад, заботясь о собственной безопасности на случай побега, она решила заняться боевыми искусствами. Государственные школы не подходили, а частные академии в столице были либо слишком дорогими, либо сомнительными.

Не желая раскрывать свою личность, она долго ломала голову, пока однажды, проходя мимо переулка у своей швейной мастерской, не увидела, как трое хулиганов задирают пьяного старика. Она уже хотела послать служанку Чжань за стражниками, как вдруг обнаружила, что хулиганы не только не одолели старика, но и с позором сбежали от него.

Любопытство взяло верх, и она подошла:

— Вы мастер боевых искусств? Учеников берёте?

Пьяный старик прищурился и невнятно пробормотал:

— Вино есть?

— Сколько угодно, — ответила Шэнь Яогуан.

Услышав это, старик вмиг протрезвел. Он выпрямился и с серьёзным видом кивнул:

— Беру!

Так началась её карьера в боевых искусствах. Она до сих пор считала эту историю почти сказочной. Звали наставника У Цзя. Говорили, отец надеялся, что тот однажды станет лучшим бойцом на экзаменах, оттого и дал такое имя. На самом деле мастер был не так уж стар — едва за сорок, просто выглядел неопрятно.

Впрочем, надежд отца он не оправдал: на экзамены так и не пошёл, потому что в молодости, вступившись за слабого, покалечил сына важного чиновника. Только благодаря связям отца наказание заменили на два года тюрьмы. А после выхода на свободу, когда тот чиновник попытался отомстить, отцу снова пришлось просить влиятельных людей о защите.

Мастерство наставника было поистине первоклассным, но его школа вечно прозябала на грани закрытия. Если бы не наследство отца, он давно бы умер с голоду.

У неё было ещё шестеро старших соучеников. Первый и второй, У И и У Бин, были сиротами, которых мастер подобрал в детстве; теперь они занимались охраной караванов и содержали наставника. Третий и четвёртый, Чэнь Дун и Чэнь Си — родные братья из простых горожан, работали телохранителями в знатных домах и время от времени подкидывали учителю денег. Пятый, Сяо Лу, был таинственной личностью: он закончил обучение три года назад, и Шэнь Яогуан никогда его не видела, а мастер о нём не упоминал. Шестой, Чжао Мин, был связан с мастером запутанной историей: его мать была тайно влюблена в наставника, поэтому и «сплавила» сына ему на обучение. Семья Чжао Мина владела торговлей с императорским двором, они были сказочно богаты, и именно благодаря ему швейная мастерская Шэнь Яогуан смогла встать на ноги.

Как же давно она не видела братьев. Вспомнив вечно пьяный взгляд наставника, она рассмеялась:

— Вернёмся, выкопаем кувшин хорошего вина, что я припрятала под деревом хайтан, и отнесу ему.

— Будет сделано! — весело отозвалась Цуйцуй.

За разговорами они быстро добрались до усадьбы Чжилань. Увидев Шэнь Яогуан с покрасневшим от мороза носом, нянюшка Чжань тут же засуетилась, поднимая шум.

<http://bllate.org/book/21409/2184853>